

Анна Шульгина

Сара Камерон. Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана. Пер. с англ. А. Терещенко. М.: НЛО, 2020. 360 с. ISBN 9785444812327.

Анна Шульгина, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия. ashulgina@eu.spb.ru.

Книга американской исследовательницы Сары Камерон (Sarah Cameron) «Голодная степь: голод, насилие и создание Советского Казахстана» (The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan) впервые была опубликована в 2018 году в США. На русском же языке она вышла в 2020 году в издательстве «Новое литературное обозрение». Центральная тема работы – массовый голод в Казахстане в 1930–1933 годах. Хотя в этот период голод охватил население сельских районов в разных частях СССР, основное внимание историков до сих пор было приковано к голоду в Украине, в то время как о казахской трагедии известно намного меньше.

Исследование Камерон принадлежит к ряду работ, подчеркивающих, что голод начала 1930-х годов использовался Москвой для полноценной интеграции казахов в структуры советского государства (с. 23). Ее предшественники обращали внимание на экономические аспекты трансформации казахского общества в конце 1920-х – начале 1930-х годов, а также фокусировались на теме применения насилия со стороны не только государства, но и других акторов, в том числе самих казахов (Пьянчола 2004; Пианчола 2018; Киндлер 2017). Камерон же рассматривает, «в какой именно форме ожидалось включение казахов в советскую жизнь» (с. 24), акцентируя внимание на советской национальной политике и модернизации.

Как полагает автор книги, в конце 1920-х годов центральные власти, исходя из целей модернизации страны и опираясь на принципы проводимой национальной политики, решили превратить в оседлое население кочевников-скотоводов, для которых их образ жизни был главным маркером идентичности. Так создавалась современная советская нация, интегрированная в государственную систему. В итоге именно последовавший за этим голод позволил «создать Советский Казахстан как стабильную территорию с четко очерченными границами и как неотъемлемую часть советской экономической системы, а также выковать новую национальную идентичность казахов» (с. 12–13).

В отличие от большинства предшественников Камерон включила в работу материалы не только на русском, но и на казахском языке. В книге цитируются документы партийных и советских органов, хранящиеся в архивах Казахстана и России, этнографические исследования, сельскохозяйственные журналы, периодическая печать, дневники, прошения. Архивные источники дополнены мемуарами и интервью очевидцев событий, опубликованными ранее в сборниках воспоминаний. На основе последних автор стремится «услышать голоса тех, кто пережил голод, – голоса, которые практически не слышны в архивных источниках или мемуарах» (с. 41).

В своем исследовании Камерон пытается ответить на два вопроса: каковы были причины казахского голода 1930–1933 годов и как сведения о нем повлияли на наше понимание советской модернизации и национального строительства в Казахстане (с. 12). Отвечая на них, автор обращается к анализу политических решений, принятых на центральном и региональном уровнях. Кроме того, она рассматривает изменение социальной структуры кочевого населения Казахстана в связи с его переводом с кочевого на оседлое проживание, а также затрагивает вопросы экологической истории, стараясь понять, какие факторы в большей степени повинны в разразившейся катастрофе.

Книга состоит из введения, шести глав, заключения и эпилога. В первой главе основное внимание уделено массовым крестьянским колонизациям Казахской степи в конце XIX – начале XX века. По мнению Камерон, эти переселения повлияли на жизнь кочевников и экологию края. В ходе колонизации произошло истощение почв, были осушены водоемы. Из-за заселения территории оседлым населением у кочевников изменились маршруты ежегодных миграций, рацион питания.

Во второй главе речь идет о казахском обществе периода НЭПа. Как показывает автор, в это время советская власть решала, как лучше вписать кочевой образ жизни казахов в общую концепцию советской национальной политики. Так, была предпринята попытка осмыслить экономику Казахстана в категориях социалистического прогресса и ответить на вопросы, нужно ли поддерживать кочевое скотоводство и насколько оно эффективно с точки зрения экономики. Как пишет Камерон, в этих дебатах принимали участие ученые, многие из которых предупреждали власть, что «превращение казахов в оседлое население и дальнейшая аграрная колонизация Степи чреваты опасными последствиями» (с. 27). К 1928 году произошли изменения в общей политике СССР, Сталин объявил о наступлении социализма по всему фронту. С этого времени практикуемое в Казахстане кочевое скотоводство было признано властями «экономически отсталой формой производства, к тому же препятствующей дальнейшему развитию казахов как советской нации» (с. 43–44). Власти решили преобразовать кочевое скотоводство в стойловое, а вместе с этим в корне изменить характер жизни казахов, сделав их оседлыми скотоводами и земледельцами.

В третьей главе описываются события 1928 года, названные первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Филиппом Голощекиным «Малым Октябрем» и ознаменовавшие начало кампании по конфискации байских хозяйств¹. Это был первый этап задуманной в Казахстане трансформации, цель которой – «принести в Степь масштабные социальные изменения» (с. 26). Активное участие в этом процессе принимали сами казахи. Именно это, как отмечает Камерон, «стало главным фактором, определившим и характер кампании (кого она затронула, а кого – нет), и размах насилия» (с. 168). Тем самым автор отходит от рассмотрения конфликта через довольно популярную в историографии призму этничности, согласно которой коллективизацию осуществляли исключительно этнические русские и советские руководители, присланные из Москвы.

¹ Бай – в советской терминологии зажиточный казах, эксплуататор в Степи (с. 324).

В четвертой главе анализируются события начала форсированной коллективизации в 1929–1931 годах. Историк пишет о завышенных планах по заготовке мяса и зерна для Казахстана, приведших к экономическому кризису в республике, забою скота, голоду, восстаниям и бегству населения. Пятая глава показывает, как казахи пытались решить проблему голода прежними способами, перемещаясь в другие части СССР и в китайскую провинцию Синьцзянь. Однако власти, опираясь на принципы, связывавшие нацию с определенной территорией, и не желая распространения сведений о голоде в другие страны, пытались остановить миграцию. На местах среди прочего использовались такие методы, как расстрелы беженцев на советско-китайской границе.

В шестой главе описываются события, сопровождавшие продолжение голода, его развитие и завершение. Среди факторов, усугубивших положение казахов во время голода, Камерон называет низкий уровень медицинской помощи в регионе и неурожай 1931 года. По ее мнению, голод завершился не только из-за изменения политики властей, но и благодаря улучшению погодных условий. В результате проводимой модернизации погибла четверть населения республики (около 1,5 млн человек) и случился экономический коллапс. Республика фактически потеряла 90% своего скота, так и не превратившись, по задумкам центральных властей, в советский Чикаго². В заключении автор говорит о республике после голода и превращении казахов в политическую нацию. В этой части она проводит параллели между голодом в Казахстане и голодом в других республиках СССР. Эпилог посвящен коммеморации памяти о голоде в Казахстане.

Одним из главных сюжетов в книге, объяснявших голод в Казахстане, является советская национальная политика. Камерон подчеркивает, что принятые в отношении кочевников-казахов решения показывают, какую исключительную важность для Москвы имел проект национального строительства в советских республиках. Историк указывает на то, что национальная политика СССР в 1930-е годы представляла собой не столько четко разработанный план действий, сколько рабочий набор идей и представлений о советской нации, неоднократно уточнявшийся в ходе советской истории (с. 29). Здесь исследовательница оспаривает тезис Роберта Киндлера (2017), полагавшего, что руководство СССР выстраивало свои отношения с национальными окраинами, руководствуясь исключительно прагматичными интересами центра в регионе и не принимая во внимание идеологию. Камерон же полагает, что для центральных властей было важно создать современную советскую нацию и интегрировать ее в советский проект. Вопрос заключался лишь в том, как это сделать – сохраняя кочевое скотоводство или нет. В итоге в конце 1920-х годов, не без влияния экономической политики, было принято решение, что кочевое скотоводство несопоставимо с дальнейшим развитием казахской нации, которая, согласно основным положениям советской национальной политики, должна была иметь свою конкретную территорию, язык и местную советскую элиту. Так, если до голода понятие «казах» было прочно связано с ко-

² В книге Камерон отмечает, что в планах «партийных экспертов Казахстан имел все возможности побороться с Чикаго за место крупнейшего центра мясной промышленности» (с. 173).

чевым образом жизни и не ассоциировалось с территорией, то после него, как пишет Камерон, идентичность казахов стала связываться не с кочевьем, а с территорией республики и национальностью.

Другой важный процесс, проанализированный в книге, касался коллективизации, посредством которой власти стремились модернизировать кочевое казахское общество. Как отмечает исследовательница, в отличие от западных регионов СССР, население которых и до коллективизации было оседлым и занятым в земледелии, кочевники Казахстана не просто объединялись в колхозы как наиболее прогрессивные с точки зрения власти элементы хозяйствования, но должны были в корне изменить способ хозяйствования и образ жизни. Экономические задачи коллективизации в Казахстане были иными, нежели в сельскохозяйственных регионах СССР, и преследовали двойную цель: замену перегонного скотоводства на стойловое, ориентированное на производство мяса и увеличение производства зерна за счет распашки пастбищ. В результате экономическая политика властей обернулась катастрофой, и казахский голод, по мнению Камерон, стал прямым следствием предложенной Казахстану модернизации.

Наконец, еще одно важное наблюдение касалось экологических последствий голода. Автор отмечает, что «программа государственной модернизации, исходившая из Москвы, имела целью преобразовать не только казахское общество, но и саму Казахскую степь» (с. 26). Это вписывает политику советского природопользования в общемировой контекст. Так, СССР, как и другие страны, пытался «покорить» природу и заставить ее работать на человека.

Значимый вопрос, который Камерон затрагивает в работе, – роль центральных властей и непосредственно Иосифа Сталина в происходивших в Казахстане изменениях. Она утверждает, что руководство страны знало о последствиях радикальных преобразований в Степи и по ходу усиления голода получало сообщения о бедственном положении казахов. Однако, как указывает историк, нет никаких доказательств того, что Сталин планировал голод специально или стремился уничтожить всех казахов. Голод, проблема с беженцами и вспышки болезней скорее противоречили интересам режима и были непредвиденными результатами коллективизации. В этом смысле, в отличие от многих исследователей украинского голода, Камерон, ссылаясь на принятое ООН определение, не относит казахский голод начала 1930-х годов к геноциду. Более того, она полагает, что фиксация на этничности жертв и исполнителей скорее «мешает увидеть картину в целом» (с. 303), хотя и подчеркивает, что «всеобъемлющая программа государственной трансформации Казахстана была, безусловно, нацелена на культурное разрушение казахского общества» (с. 38) и в этом смысле вполне попадает под категорию преступления против человечности.

Несомненным достоинством работы является использование сравнительного ракурса при анализе. Это позволяет увидеть параллели и ощутить разницу в процессах, происставших в разных регионах СССР. Камерон призывает расширить перспективу изучения сталинского насилия в отношении населения СССР, указывая, что оно затрагивало восточные регионы страны не в меньшей степени, чем западные. Описывая голод в Казахстане, автор монографии ставит его в один ряд

с голодом в Украине, проводя параллели между ними, но при этом отказывается видеть в разразившейся в СССР катастрофе этнический подтекст, полагая, что государственное насилие было направлено не столько на носителей определенной этничности, сколько на кочевников-скотоводов, принуждаемых к модернизации советского образца.

Стоит отметить, что на протяжении всей книги Камерон противопоставляет кочевой образ жизни населения Степи до голода начала 1930-х годов начавшимся после него процессам оседания на землю. Между тем в таком противопоставлении теряется пласт изменений, происходивших в казахском обществе еще до обсуждаемых событий. Более того, в монографии историк отмечала, что «самым ярким феноменом начала XX века был возникший тренд к оседанию казахов на землю» (с. 79)³. В этой связи возникает вопрос: насколько пропагандируемые советской властью преобразования и видение прогресса отличались от процессов, которые уже начали происходить в казахском обществе? Видимо, для ответа на него нужен анализ не только государственной политики в области модернизации, но и большее внимание к социальным процессам внутри самого казахского общества, накануне революции указывавшим на изменения в жизни кочевников и напрямую не зависящих от власти.

Другой важный вопрос связан с влиянием голода 1930–1933 годов на конструирование советской казахской нации. Можно ли считать его сопоставимым по своему влиянию с темой участия Казахстана во Второй мировой войне? Как полагает Мехмет Волкан Кашыкчы, именно война интегрировала население Казахстана в советское государство (Кашыкчы 2020).

Несмотря на все вышеперечисленные ограничения, стоит отметить, что исследование Камерон способствует дальнейшей дискуссии вокруг взаимосвязи голода, советской модернизации и советской национальной политики. Монография будет интересна специалистам, занимающимся как историей Казахстана, так и историей СССР в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киндлер, Роберт. 2017. *Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане*. М.: Политическая энциклопедия.
- Пианчола, Никколо. 2018. «Сталинская “иерархия потребления” и великий голод 1931–1933 гг.» *Ab Imperio* 2:80–116. <https://doi.org/10.1353/imp.2018.0029>.
- Пьянчола, Никколо. 2004. «Казахские пастухи между коллективизацией и голодом, 1928–1934 гг.». С. 79–113 в *Казахстан и Россия: общества и государства*, под ред. Дмитрия Фурмана. М.: Права человека.
- Кашыкчы, Mehmet Volkan. 2020. “Growing Up Soviet in the Periphery: Imagining, Experiencing and Remembering Childhood in Kazakhstan, 1928–1953.” PhD dissertation, Arizona State University.

³ Кроме того, представление о казахах как нации, связанное с оседлостью, не является исключительно советской идеей, об этом еще до прихода к власти большевиков высказывались представители политической партии «Алаш-Орда».